

В.А. Золотарёв©, Ф.О. Трунов©

V.A. Zolotarev, Ph.O. Trunov

Вопросы обеспечения атлантической солидарности европейских партнеров США на современном этапе

The issues of ensuring Atlantic solidarity of the European partners of the United States at the present stage

DOI: 10.31249/ape/2019.01.02

***Аннотация.** В статье рассматриваются особенности и промежуточные результаты процесса ослабления трансатлантических связей при администрации Д. Трампа на примере взаимоотношений в сфере международной безопасности. Изучаются причины резкого ухудшения отношений США и ЕС и последствия этого, в том числе создание структуры PESCO. Исследуются основные противоречия в НАТО между Соединенными Штатами и европейскими континентальными державами по военно-экономическим вопросам и развертыванию присутствия Альянса в Восточной Европе. Делается вывод о перспективах взаимодействия США и европейских стран – участниц блока.*

***Abstract.** The article considers the features and intermediate results of the process of weakening of the Atlantic links during Trump's presidency using the example of international security sphere. The paper determines the reasons of the deterioration of relations between the USA and the EU and consequences of it, including PESCO initiative. The article also investigates the key contradictions between the USA and the European continental powers in NATO on the military-economic issues and the issues of the Alliance military presence in Eastern Europe. The paper outlines the perspectives of cooperation between the USA and the European NATO counterparts.*

Ключевые слова: НАТО, Трамп, США, атлантическая солидарность, Германия, PESCO.

Keywords: NATO, Trump, the USA, Atlantic solidarity, Germany, PESCO.

Впервые со времен холодной войны коллективный Запад столкнулся со столь мощными кризисными тенденциями в своем развитии *одновременно* вовне и изнутри.

Во-первых, текущий кризис связан со стратегическим ухудшением отношений между Евро-Атлантическим сообществом и Россией, приобретшим общеполитическое, информационное, экономическое и военно-политическое измерения. Последнее, как и в годы холодной войны, представляется наиболее опасным. Со стороны Запада вблизи новой границы зоны ответственности Альянса – на территориях стран Восточной Европы (особенно в Польше и Румынии), в странах Балтии и сопредельных акваториях – не только создается разветвленная военная инфраструктура, но и развертываются значительные межвидовые группировки войск. Реализация этих мер требует общего роста силового потенциала Евро-Атлантического сообщества, количественные характеристики которого (за счет частичного увеличения качественных) существенно снизились по сравнению с началом 1990-х годов. Серьезным «тормозом» является и высокая степень инерционности военных систем европейских стран – участниц НАТО, за четверть века отвыкших от необходимости постоянно наращивать численность личного состава, парка вооружений и военной техники. В этих условиях требуемый прирост объема ресурсов, выделяемых для решения задач по обеспечению территориальной обороны, может быть обеспечен лишь посредством как минимум временного сокращения частоты и масштабов операций вне зоны ответственности Североатлантического альянса.

Во-вторых, с начала 2010-х годов государства – члены ЕС испытывают все возрастающее давление со стороны нестабильных государств Ближнего Востока, Северной Африки и Сахеля. Из этих регионов на Европейский союз проецируются две тесно связанные угрозы безопасности – неконтролируемая миграция и междуна-

родный терроризм. Сирийский миграционный кризис 2014–2015 гг., одной из производных которого для ЕС стали террористические акты на территории объединения (в первую очередь, в Париже и Ницце), показал всю опасность реактивной (а не превентивной) политики ЕС по стабилизации обстановки на Ближнем Востоке и на севере Африки. Соответственно, подобное положение дел требует не только не уменьшать, но, напротив, наращивать усилия, в том числе военные, по стабилизации обстановки за пределами зоны ответственности НАТО. В этой связи показателен пример участия государств – членов ЕС, особенно Германии и Франции, в урегулировании вооруженного конфликта в Мали с целью воспрепятствовать превращению этого региона в «рассадник» международного терроризма по примеру Ливии и Сомали.

Традиционно рост внешних угроз способствовал укреплению атлантической солидарности и созданию совместных (постоянных и временных) механизмов по преодолению сложившихся трудностей. Однако в реалиях конца 2010-х годов наблюдается прямо противоположная тенденция – дивергенция позиций администрации 45-го президента США и руководства европейских стран – участниц НАТО по ряду фундаментальных вопросов в сфере международной безопасности. Победа Д. Трампа на выборах в США (ноябрь 2016 г.) и его подход к внешней политике, во многом шедший вразрез со сложившейся в рамках евроатлантического истеблишмента культурой поведения, стали вторым «стратегическим шоком» для европейских элит (первым «шоком» оказался референдум в Великобритании в июне 2016 г., запустивший процесс выхода страны из Европейского союза).

Частичной компенсации потерь (как в материальном, так и имиджево-информационном планах) удалось достичь за счет углубления кооперации между странами – участницами ЕС, большинство из которых одновременно входят также и в НАТО. Платформой текущей кооперации выступает германо-французский тандем и тесно связанные с ним страны, в частности Нидерланды. Тем не менее в данной связи нельзя не отметить значительную сложность согласования многосторонних стратегических решений в ЕС – так, инициатива PESCO (Permanent Structured Cooperation)

по углублению военно-политической и военно-технической кооперации, к которой присоединилось большинство стран – участниц ЕС, была запущена лишь в ноябре 2017 г., т.е. год спустя после победы Д. Трампа на выборах. При этом детальная проработка вопросов создания данного механизма велась во Франции и Германии на протяжении как минимум трех-четырёх лет до этого.

Задача настоящей статьи – исследовать динамику ослабления атлантических связей государств – членов ЕС в области международной безопасности при администрации Д. Трампа.

Особенности взаимодействия администрации Д. Трампа и европейских элит в сфере международной безопасности

Отправной точкой при изучении данного вопроса является характеристика взаимной перцепции 45-го президента Соединенных Штатов Америки и руководства ЕС и европейских стран – участниц НАТО. Уже в первое полугодие своего пребывания у власти Д. Трамп принял решения по выходу из Транстихоокеанского партнерства (ТТП), а также из Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП) [Retzman, 2017] – проекта, который администрация Б. Обамы рассматривала как основу для превращения Евро-Атлантического сообщества в единое экономическое пространство и который не случайно получил неофициальное название «экономический Североатлантический альянс». С точки зрения авторов, решения Д. Трампа по выходу из ТТП и ТТИП не просто подчеркивают его стремление максимально пересмотреть курс предшественника, но отчетливо указывают, что для Д. Трампа развитие межгосударственного диалога намного предпочтительнее создания новых многосторонних кооперативных (интеграционных) форматов. Заявления и внешнеполитические шаги 45-го президента США, во многом основанные на его популистском лозунге «Сделать Америку снова великой», показывают, что он является сторонником возвращения к международной системе, в которой ведущую роль играют обладающие полным суверенитетом государства. Такой вывод, в частности, был сделан исследователями, тесно связанными с Европейской комиссией. По их мнению, приход к власти Д. Трампа «предвещает на-

чало новой эры в международных отношениях; возможно, это будет стратегическая игра с целью изменения действующего международного порядка, основанного на либеральных ценностях» [The Trump presidency., 2017].

Исследователи указывают, что при этом нужно учитывать психологию Д. Трампа – бизнесмена, действующего достаточно прямолинейно и стремящегося к скорейшему получению наибольшей выгоды при минимизации принимаемых обязательств, которому, в частности, очевидно, что при заключении и реализации договоренностей двустороннего характера (в отличие от документов со значительным числом сторон-подписантов) риски дополнительных, в том числе срочных, издержек со стороны США для поддержки союзников и партнеров будут сравнительно меньше. Это вызывает закономерную критику со стороны ЕС, упрекающего Д. Трампа в непонимании логики интеграции и растущей взаимозависимости в современном мире [Ibid.].

Де-факто Д. Трамп первым из лидеров США открыто высказался против Европейского союза. Можно предположить, что это обусловлено не только тем, что на некоторых направлениях (особенно в экономической сфере) ЕС является конкурентом США [Shatz, 2016], но и тем, что ЕС – единственное интеграционное объединение, достигшее политической стадии своего развития. В свою очередь, в исследовании, опубликованном на сайте Европейской комиссии, дана весьма нелицеприятная характеристика последствий прихода к власти Д. Трампа: «Политический ураган обрушился на Вашингтон с того момента, как Д. Трамп прошел процедуру инаугурации как 45-й президент Соединенных Штатов Америки» [Ibid.].

При этом Д. Трамп активно развивает двусторонние контакты с европейскими странами – участницами ЕС. Фокусным контрагентом для его администрации, особенно в первый год пребывания Д. Трампа у власти, стала Великобритания. Так, именно премьер-министр Великобритании Т. Мэй стала первым иностранным лидером, посетившим США с официальным визитом после инаугурации Д. Трампа. Во время их совместной пресс-конференции, состоявшейся всего через неделю после вступления

45-го президента США в должность, Д. Трамп признал необходимость стратегического сотрудничества двух держав [PM press conference., 2017]. И в ходе предвыборной кампании, и по вступлении в должность Д. Трамп неизменно положительно оценивал результаты референдума в Великобритании по вопросу выхода страны из ЕС [Rettman, 2017], предполагая, что это позволит британской стороне сосредоточить большие ресурсы на развитии стратегического сотрудничества с Соединенными Штатами. Более того, Д. Трамп призывал и другие страны ЕС к выходу из объединения. Нужно добавить, что, начиная с первой встречи с главой британского правительства, 45-й президент США неизменно указывал на готовность оказывать полноценную военно-политическую поддержку своему ближайшему союзнику, в том числе в рамках обязательств по НАТО [PM press conference., 2017].

Стоит отметить, что первые переговоры с канцлером ФРГ А. Меркель Д. Трамп провел лишь 17 марта 2017 г. [Joint press conference., 2017], а с президентом Франции Э. Макроном (вступил в должность 14 мая 2017 г.) – 13 июля 2017 г., уже после саммита G20 в Гамбурге. Показательно также, что в первый год своего пребывания у власти 45-й президент США вообще не проводил отдельную встречу с руководством ЕС.

Из держав «евротройки» (Великобритания, Франция, Германия – Е3) наиболее заметно ослабление атлантических связей у ФРГ. Уместно выделить три основные причины, побуждающие Д. Трампа к критике германской стороны.

Во-первых, опасения, связанные с развитием мощного индустриального сектора ФРГ (в рамках перехода к новому технологическому укладу, основанному на применении «умных машин» – так называемой «Индустрии 4.0», или четвертой промышленной революции). Несмотря на готовность к секторальному двустороннему взаимодействию в промышленной сфере, в целом Д. Трамп рассматривает Германию как стратегического конкурента при проведении его администрацией линии на реиндустриализацию [Joint press conference., 2017]. Это относится и к военно-промышленной сфере: параллельно с реализацией в США «третьей стратегии компенсации», одной из ключевых составляющих кото-

рой является роботизация вооруженных сил, аналогичный процесс насыщения вооруженных сил автоматизированными системами (хотя и в меньших масштабах) проходит и в бундесвере. Тем самым в долгосрочной перспективе, особенно в случае успешной реализации программ многосторонней европейской военно-технологической кооперации на базе PESCO, военно-техническое превосходство Соединенных Штатов Америки может быть в значительной степени нивелировано.

Во-вторых, администрация Д. Трампа не может не обращать внимания на существенно меньший вклад ФРГ (по сравнению с Великобританией и Францией) в развитие военного потенциала НАТО и Евро-Атлантического сообщества в целом (см. табл. 1).

Таблица 1

Сравнительный анализ расходов на оборону и численности вооруженных сил держав «евротройки» в 2009–2016 гг.¹

1.1. Динамика расходов на оборону (млн долл. США по курсу 2016 г.)								
Страна/год	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Германия	47 469	46 255	48 140	46 470	45 932	46 102	39 813	40 663
Франция	54 442	51 971	53 441	50 245	52 317	52 006	43 473	43 620
Великобритания	58 420	60 329	62 852	58 016	62 263	65 690	59 634	60 347
1.2. Изменение доли расходов на военные цели (% от ВВП)								
Страна/год	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Германия	1,39	1,35	1,28	1,31	1,23	1,19	1,19	1,19
Франция	2,02	1,96	1,87	1,87	1,86	1,84	1,80	1,74
Великобритания	2,51	2,51	2,42	2,20	2,30	2,20	2,09	2,21
1.3. Динамика изменения численности личного состава вооруженных сил (тыс. человек)								
Страна/год	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Германия	247	235	205	192	184	179	180	180
Франция	239	234	227	219	213	207	207	207
Великобритания	195	198	191	184	179	169	163	161

¹ Рассчитано авторами на основе: [Defence expenditures., 2016, p. 4–6].

Как видно из табл. 1, в период президентства Б. Обамы непосредственные расходы ФРГ на военные цели были в 1,1-1,2 раза ниже, чем у Франции, и в 1,2-1,5 раза ниже, чем у Великобритании (п. 1.1). По относительной доле расходов (п. 1.2) Германия отставала от Франции в 1,5 раза, от Великобритании – в 1,6-1,9 раза. Особенно сильно доля расходов ФРГ на военные цели «просела» в 2014-2016 гг. – на фоне принятия на Уэльском саммите НАТО (4-5 сентября 2014 г.) всеми странами – участницами Альянса обязательства по увеличению военных расходов до 2% от ВВП к 2024 г. [Wales summit., 2014]. При этом Германия активнее других держав «евротройки» сокращала численность своих вооруженных сил – на 27% в 2009-2016 гг. (против 13% у Франции и 17,5% у Великобритании). Поэтому неудивительно, что Д. Трамп последовательно требует от ФРГ роста расходов на военные цели [Joint press conference., 2017].

И наконец, в-третьих, выступая с критикой в адрес ЕС, 45-й президент США обращает особое внимание на Германию, поскольку она является «локомотивом европейской интеграции» как в экономическом, так и в политическом отношениях [The Trump presidency., 2017].

Одной из площадок, где отчетливо проявилась дивергенция позиций ФРГ и США, стал Гамбургский саммит G20, посвященный в основном экономической проблематике. Так, в качестве одной из трех основных тем для обсуждения германская сторона выдвинула вопрос об ответственности при принятии решений, тем самым выступив с косвенной критикой стратегического курса Д. Трампа, входящего в противоречие с духом и принципами западной стратегической культуры. В целом итоговое коммюнике саммита носило компромиссный характер. С одной стороны, в нем подчеркивалась роль международных институтов (особенно ВТО) в экономической сфере, с другой – за национальными государствами признавалось право на использование различных протекционистских мер [G20 Leaders., 2017]. Небезынтересно отметить, что в данном случае позиция администрации Д. Трампа во многом совпадает с подходом ведущих незападных держав, особенно РФ и КНР. Кроме того, показательно, что в коммюнике практически ничего не говорилось о

Европейском союзе [G20 Leaders., 2017], а на полях самого саммита шла ожесточенная полемика между руководством объединения и президентом США.

Отношение 45-го президента США к Североатлантическому альянсу остается гораздо более позитивным, чем его отношение к ЕС. По мнению авторов, это обусловлено сущностью НАТО как объединения суверенных государств-членов (а не интеграционной структуры), непосредственным членством США в Альянсе, а также наличием в НАТО существенно меньшего числа коллективных механизмов. Членство в НАТО, особенно в условиях стратегического ухудшения отношений коллективного Запада с Россией, дает администрации Д. Трампа важное преимущество, состоящее в возможности использования Альянса как площадки для давления на европейских партнеров при расхождении позиций США и ЕС по проблемам, касающимся многих «болевых узлов» в области международной безопасности.

Как указывают аналитики ЕС, в вопросах борьбы с международным терроризмом, которую Д. Трамп выдвинул в качестве приоритета, ни он, ни его окружение пока не предложили никаких «прорывных» стратегических инициатив [The Trump presidency., 2017]. Общие принципы и формат деятельности второй западной антитеррористической коалиции, созданной администрацией Б. Обамы в сентябре 2014 г., существенно не изменились, а все «новшества» были в основном сведены к использованию новых тактических приемов (например, применение «матери всех бомб» против талибов в Афганистане). Стоит отметить, что на многих направлениях борьбы с международным терроризмом – особенно на африканском континенте – европейские державы – участницы НАТО предпочитали действовать отдельно от США, используя свои военные инструменты под эгидой ЕС, ООН и даже Африканского союза. Так, в Мали после завершения боевой операции вооруженных сил Франции были развернуты две миссии при ведущем участии Германии: по поддержанию мира (MINUSMA, ООН) и военно-тренировочная (EUTM Mali, ЕС) [Antrag., 2017]. Эти механизмы де-факто решали задачи, поставленные перед второй западной антитеррористической коалицией, но де-юре не были

аффилированы с ней. Такой подход со стороны стран – участниц ЕС был обусловлен прежде всего пониманием огромной опасности, исходящей от «Исламского государства»¹ и дружественных ему (и «Аль-Каиде») многочисленных террористических структур на Ближнем Востоке и на севере Африки. И если у США вследствие их географической удаленности еще существует определенный резерв времени для решения вопросов, связанных с развитием ситуации в этих очагах нестабильности, то у европейских государств – членов НАТО (особенно континентальных) его уже нет, что показал сирийский миграционный кризис.

С первых недель своего пребывания у власти Д. Трамп последовательно выступал за пересмотр стратегической сделки по ядерной программе Ирана (2015), заключение которой, по мнению действующего руководства стран – участниц ЕС, явилось наиболее значимым результатом общеевропейской дипломатии на современном этапе. При этом европейский истеблишмент рассматривал «евротройку» не только как основу «иранской шестерки» (Россия, США, КНР, Франция, Великобритания, Германия), но и как ключевую переговорную силу² [The Trump presidency., 2017]. Поэтому предпринятое администрацией Д. Трампа уже в феврале 2017 г. ужесточение курса против Ирана (введение новых санкций) вызвало критику со стороны стран – участниц Европейского союза [Europa steht., 2017]. Однако изначальная эйфория европейских держав в отношении перспектив, связанных с заключением «иранской ядерной сделки», достаточно быстро сошла на «нет». После снятия санкций Иран укрепил свое положение в качестве значимой региональной ближневосточной державы, де-факто конкурируя с Западом на сирийском, иракском и ливанском направлениях. Это привело, в частности, к тому, что ФРГ выступила с критикой действий иранских властей (а также России и властей САР во главе с Б. Асадом), обвиняя их в причастности к гибели местного насе-

---

¹ Здесь и далее по тексту сборника «Исламское государство» (ИГ, ИГИЛ, ДАИШ) – запрещенная в России террористическая организация.

² Данный подход следует признать субъективным. Ключевая роль в создании «ядерной шестерки» и особенно – в достижении договоренностей 2015 г. принадлежала Российской Федерации.

ления в ходе боев за г. Алеппо летом – осенью 2016 г. [Außenminister., 2016]. Показательно, что, несмотря на взаимное фрондирование, администрация Д. Трампа и кабинет А. Меркель одновременно интенсифицировали военно-экономические связи с Саудовской Аравией [Bundeskanzlerin., 2017] – главным стратегическим противником Исламской Республики Иран в регионе. Но вместе с тем ФРГ и Франция не продемонстрировали ни готовности к отказу от «ядерной сделки», которого добивался Д. Трамп, ни тем более готовности к применению силы [Europa steht., 2017].

Другими важными направлениями, где также наблюдалось значительное расхождение позиций европейских держав НАТО и администрации Д. Трампа в первые полгода его президентства, были вопросы стратегического сдерживания РФ и КНР [The Trump presidency., 2017]. Однако в обоих случаях (применительно к Китаю – со времени военно-политического кризиса вокруг КНДР (август – сентябрь 2017 г.), а к РФ – с осени 2017 г.) власти США практически полностью возвратились к курсу администрации Б. Обамы. Иллюстрацией этого, в частности, стало дальнейшее наращивание военного присутствия США на восточных рубежах Североатлантического альянса. В рамках своего стратегического курса, предполагающего, в числе прочего, демонстрацию военного могущества Соединенных Штатов Америки, администрация Д. Трампа предприняла действия по увеличению числа военных механизмов в двух геополитически значимых регионах – Восточной и Центральной Европе.

Расширение военного присутствия США вблизи восточных границ НАТО: «дореализация» идей Б. Обамы?

В отличие от большинства других стратегических направлений американской политики, в вопросах расширения военного присутствия НАТО (в том числе – сил США) в Восточной Европе Д. Трамп последовательно продолжал линию своего предшественника Б. Обамы. На основании постановлений Варшавского саммита НАТО (8–9 июля 2016 г.) и собственных решений руководства США на территории стран региона в дополнение к имеющимся военным базам были развернуты следующие силы:

- 3-я танковая бригада 4-й пехотной дивизии (с января по сентябрь 2017 г.);

- 2-я танковая бригада 1-й пехотной дивизии (с сентября 2017 г.) [Roberts, 2017];

- подразделения, составляющие «рамочную основу» батальона сил передового развертывания НАТО в Польше [В НАТО., 2016], а также подразделения усиления для трех аналогичных подразделений в странах Балтии (с осени 2016 г.);

- компонента войск США в составе штабов многонациональных соединений: корпуса «Северо-Восток» (Польша) и дивизии «Юго-Восток» (Румыния) [Warsaw summit., 2016]¹.

Одновременно в Восточной Европе создаются крупные запасы вооружений и военной техники, в том числе тяжелой: так, в регион переброшено почти 550 танков в дополнение к тяжелой бронетехнике, находящейся в составе развернутых войск (см.: [Kleine Anfrage., 2015]). «Ядро» группировки войск США составляет бронетанковое соединение, которое в рамках ротации сменяется каждые 9–10 месяцев. С учетом сложившейся динамики уместно ожидать прибытия новых войск США в Восточную Европу. В этой связи встает вопрос: как изменилась долевая нагрузка по развертыванию группировок войск вблизи восточных рубежей НАТО, которую несут США при администрации Д. Трампа, по сравнению с периодом холодной войны?

В 1960–1980-е годы войска Соединенных Штатов Америки составляли около 60–65% (246 тыс. из 385 тыс. человек к 1990 г. [Fleckenstein, 1990]) от общей численности иностранных контингентов, размещенных на территории ФРГ, «тогдашней» передовой противостояния Запад – Восток. При этом численность бундесвера была не меньшей, чем суммарная численность войск других стран – участниц НАТО в западногерманских землях (495 тыс. военнослужащих в 1986 г. [Weissbuch., 1985, S. 186, 241]).

---

¹ В данном списке не учитываются военно-воздушные подразделения и боевые единицы ВМС США, участвующие в патрулировании соответственно прибалтийского воздушного пространства и акваторий Балтийского и Черного морей.

В 2017–2018 гг. силы США также составляли до 60% от общей численности контингентов внешних (по отношению к региону) государств – членов НАТО, дислоцированных в странах Восточной Европы на ротационной основе (около 8 тыс. из 15–20 тыс. военнослужащих). Суммарная численность вооруженных сил стран Балтии, Польши, Румынии, Болгарии составляла 228 тыс. военнослужащих¹, т.е. была в 10–12 раз больше численности вновь дислоцированных войск Альянса².

Это позволяет с высокой вероятностью предположить, что вблизи границ РФ со стороны НАТО и в дальнейшем будут развертываться (де-юре на ротационной основе) новые воинские части и соединения. При этом доли США и «старых» европейских стран – участниц Альянса будут или примерно равны, или «европейская» доля будет даже больше «американской». Скорее всего администрация 45-го президента Соединенных Штатов будет стремиться к реализации второго сценария, рассматривая увеличение доли «европейских» войск как частичную «компенсацию» за недостаточный объем военных ассигнований со стороны континентальных западноевропейских государств.

Одновременно в 2015–2018 гг. были дополнительно укомплектованы войска США в зоне второго стратегического эшелона – на территории Германии, куда была переброшена бронетехника, необходимая для оснащения двух-трех «тяжелых» бригад, не считая вспомогательных частей (см.: [Kleine Anfrage., 2015]). Нужно отметить, что, с одной стороны, реализация этих мер осуществлялась за счет частичной переброски сил из числа войск, предназначенных для создания «периметра сдерживания» КНР в АТР. С другой – наращивание численности войск США в одном из геополитически значимых регионов мира – в Восточной Европе, – стало одной их составляющих курса Д. Трампа на общее увеличе-

---

¹ Рассчитано авторами на основе: [Defence expenditures., 2016, p. 4–7].

² В приведенные показатели численности войск НАТО не включены почти на 100% комплектуемые европейскими странами – участницами Альянса части войск СБР, которые появляются в Восточной Европе лишь во время учений. С их учетом отмеченная разница сокращается до 4–6 раз, однако и это значение примерно в 1,3 раза выше, чем было в годы холодной войны.

ние глобального военного присутствия США. По мнению авторов, для администрации Д. Трампа «плюсы» такой стратегии перекрывают «минусы», тем более что с высокой долей вероятности в дальнейшем США пойдут на увеличение количества боевых соединений (особенно наземных) в целом. Повышая степень своей вовлеченности в обеспечение европейской безопасности, США приобретают мощный рычаг давления на европейские государства, что особенно важно в условиях запуска в странах ЕС новой стратегической инициативы – PESCO.

Инициатива PESCO: будущая альтернатива НАТО?

В сентябре 2017 г. 23 страны – участницы ЕС (все, кроме Великобритании, Ирландии, Дании, Португалии и Мальты) согласовали список новых совместных комитетов, учреждаемых с целью повышения инвестиций в оборону, развития военного потенциала и оперативной готовности. Это соглашение стало «пробным шаром» в деле демонстрации возможности использования ЕС как площадки для разнохарактерного военного сотрудничества. Показательно, что юридической основой для запуска инициативы PESCO были 42-я и 46-я статьи Договора о Европейском союзе (о праве на самооборону и развитии военного потенциала) [Permanent., 2018], но отнюдь не Вашингтонский договор (1949). Как показали дальнейшие события, новая платформа де-факто создавалась с целью обойти ограничения, налагавшиеся формулой «Берлин+» (1999), в соответствии с которой ЕС мог участвовать лишь в тех операциях за пределами Евро-Атлантического сообщества, в проведении которых не была заинтересована НАТО, а при осуществлении своей деятельности должен был использовать военную инфраструктуру Альянса.

13 ноября 2017 г. министры стран – участниц инициативы подписали протокол о создании платформы PESCO. Двухуровневая структура PESCO включала Совет, ответственный за согласование общеполитических вопросов, и Центр проектов, изначально состоявший из 17 комитетов, каждый из которых был создан заинтересованной в развитии конкретного направления страной-участницей [Ibid.]. Большинство решений в PESCO должны были приниматься

консенсусом, как и в Североатлантическом альянсе; лишь при решении вопросов о приостановке членства и принятии новых стран-участниц требовалось квалифицированное большинство.

Формально это делало платформу PESCO менее гибкой, чем механизм ОБПБ ЕС, в рамках которого большинство решений с 2010 г. принималось квалифицированным большинством. С точки зрения авторов, выбор процедуры принятия решений был обусловлен, в первую очередь, стремлением привлечь во вновь создаваемую структуру восточноевропейские государства – члены ЕС и НАТО. Высока была вероятность отказа от участия в PESCO части из них (например, Польши) в силу большей ориентированности на официальный Вашингтон, нежели на европейские континентальные державы. Так, из 17 проектных комитетов лишь 2 были созданы странами восточноевропейского региона (Литвой и Словакией), что показывало невысокий уровень их интереса к инициативе. На этом фоне изначальное присоединение стран Восточной Европы к PESCO, а также последовавшее в декабре 2017 г. вхождение в PESCO Ирландии и Португалии следует признать существенным имиджевым успехом германо-французского тандема, запустившего этот формат.

При этом сложность принятия общих решений на основе консенсуса де-факто компенсировалась большой внутренней гибкостью нового механизма: каждая заинтересованная страна-участница развивала под эгидой PESCO в сотрудничестве с другими странами те направления, которые считала наиболее перспективными для себя. Чаще всего тематика проектных комитетов, выбранная каждым конкретным государством, совпадала с его специализацией, сложившейся в ЕС и НАТО при проведении ими операций вне зоны ответственности Альянса. Как и следовало ожидать, большинство комитетов (12 из 17) были учреждены континентальными европейскими державами (Германия и Италия – по 4, Франция – 2) и тесно связанными с ними партнерами из Бенилюкса [Permanent., 2017].

В настоящее время можно выделить следующие направления деятельности проектных комитетов PESCO (в скобках указаны государства – учредители профильных проектных комитетов):

- планирование и руководство операциями (в том числе за пределами зоны ответственности НАТО) (Германия, Испания);
- координация и повышение качества военно-тренировочной деятельности ЕС: как для миссий за пределами Евро-Атлантического сообщества (Германия), так и внутри европейских армий (Италия);
- создание единой военно-транспортной инфраструктуры (так называемого «военного Шенгена») (Германия, Нидерланды);
- противодействие киберугрозам и модернизация защищенных военных средств связи (Литва, Греция, Франция);
- разработка новых вооружений и средств защиты техники и инфраструктуры для флота (Италия, Греция, Бельгия) и сухопутных войск (Италия, Словакия).

Кроме того, в комитетах PESCO значительное внимание уделяется вопросам энергопотребления, связанного с деятельностью вооруженных сил (Франция), а также созданию единого медицинского командования (Германия) и механизма оказания помощи при катастрофах в ходе проведения операций (Италия) [Permanent., 2017].

В целом к 2019 г. создан лишь «каркас» структуры PESCO, при этом его базовые элементы (комитеты) пока слабо связаны между собой. Многосторонние механизмы PESCO, в частности штабы, имеющие в своем подчинении как воинские контингенты (в том числе из состава Еврокорпуса), так и гражданский персонал, могут быть созданы лишь на тех направлениях, которые отвечают одновременно двум критериям: во-первых, сформированный механизм должен быть значимым для большинства стран – участниц формата; во-вторых, на его треке деятельность НАТО должна отсутствовать или быть минимальной. По мнению авторов, можно выделить три таких направления:

- обеспечение мира и безопасности в странах Северной Африки, Сахеля и Африканского Рога, особенно в государствах, где сторонами вооруженного конфликта являются структуры международного терроризма, в первую очередь Ливия, Сомали, Мали;
- создание единой сети центров по отражению киберугроз;

– разработка совместных образцов наземной (особенно тяжелой), авиационной и космической техники, в том числе роботизированной; это направление особенно важно, учитывая дороговизну и сложность получения странами ЕС новейших технологий от Соединенных Штатов в условиях запуска в США «третьей стратегии компенсации».

Таким образом, создание отлаженной структуры в рамках PESCO возможно лишь в среднесрочной перспективе, причем скорость этого процесса будет находиться в прямой зависимости от степени дальнейшего ослабления связей в НАТО между континентальными европейскими странами и США.

Отличительными особенностями современного кризиса в трансатлантических отношениях в сфере международной безопасности являются его продолжительность и многомерность. Стратегический подход Д. Трампа к отношениям с европейскими партнерами характеризуется двумя основными чертами: предпочтением диалога многосторонним форматам и стремлением к выравниванию диспропорции между военными (особенно военно-экономическими) затратами США и их партнеров по Альянсу.

Ключевым «раздражителем» для Д. Трампа в процессе текущей трансформации отношений выступает Европейский союз и в меньшей степени – континентальные западноевропейские страны (в первую очередь, Германия).

Динамика отношений США с европейскими партнерами по НАТО носит противоречивый характер. С одной стороны, в 2017–2018 гг. наблюдались глубокие расхождения по финансовым вопросам: признавая необходимость роста военных расходов, западноевропейские страны не форсировали их увеличение. С другой – к 2018 г. в вопросах совместного наращивания военного присутствия в Восточной Европе существенной дивергенции позиций не отмечалось. При этом, по мнению авторов, вопросы сдерживания РФ (и в меньшей степени – КНР) в дальнейшем будут важными «двигателями» в процессе частичного восстановления трансатлантических связей в сфере международной безопасности.

Несомненно, нынешний кризис способствует повышению самостоятельности как ЕС в целом, так и его держав-«локомотивов» на мировой арене. Свидетельством этого являются расхождения с США по вопросам урегулирования острых проблем за пределами Евро-Атлантического сообщества (борьба с терроризмом, «иранский вопрос») и поиск новых инструментов для проведения более самостоятельной политики в сфере международной безопасности (инициатива PESCO).

Список литературы

В НАТО заявили об участии 16 стран в ротации сил в Восточной Европе // РБК. – М., 2016. – 26.10. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/politics/26/10/2016/581105489a7947ab15d62082> (Дата обращения – 30.07.2018).

Antrag der Bundesregierung: Fortsetzung und Erweiterung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA) auf Grundlage der Resolutionen 2100 (2013), 2164 (2014), 2227 (2015) und 2295 (2016) des Sicherheitsrates der Vereinten Nationen vom 25. April 2013, 25. Juni 2014, 29. Juni 2015 und 29. Juni 2016. – Berlin, 2017. – 11.01. – 12 S. – (Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode; Drucksache 18/10819). – Mode of access: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/18/108/1810819.pdf> (Дата обращения – 30.07.2018).

Außenminister Steinmeier begrüßt Entsendung von UN-Beobachtern nach Aleppo / Auswärtiges Amt. – Berlin, 2016. – 20.12. – Mode of access: http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Aussenpolitik/Laender/Aktuelle_Artikel/Syrien/201216_Syrien_UNBeobachter.html (Дата обращения – 30.07.2018).

Bundeskanzlerin Merkel reist in das Königreich Saudi-Arabien und in die Vereinigten Arabischen Emirate / Bundesregierung. – Berlin, 2017. – 21.04. – Mode of access: www.bundesregierung.de/Content/DE/Pressemitteilungen/BPA/2017/04/2017-04-21-saudi-arabien-vae-breg.html (Дата обращения – 30.07.2018).

Defence expenditures of NATO countries (2009–2016): Press release / NATO. – Brussels, 2016. – 04.07. – 11 p. – Mode of access: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2016_07/20160704_160704-pr2016-116.pdf (Дата обращения – 30.07.2018).

Europa steht zum Iran-Abkommen / Bundesregierung. – Berlin, 2017. – 16.10. – Mode of access: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Artikel/2017/10/2017-10-16-iran-eu.html> (Дата обращения – 30.07.2018).

Fleckenstein B. Fremde Truppen im Vereinigten Deutschland: Gegenwärtige Situation und künftige Aussichten. – München, 1990. – 12 S. – (SOWI Arbeitspapier; N 44).

G20 Leaders' declaration: Shaping an interconnected world. – Hamburg, 2017. – 08.07. – Mode of access: www.g20.utoronto.ca/2017/2017-G20-leaders-declaration.pdf (Дата обращения – 30.07.2018).

Joint press conference with President Trump and German Chancellor Merkel / The White House. – Wash., D.C., 2017. – 17.03. – Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/joint-press-conference-president-trump-german-chancellor-merkel/> (Дата обращения – 30.07.2018).

Kleine Anfrage der Abgeordneten Andrej Hunko, Eva Bulling-Schröter, Dr. Alexander S. Neu, Wolfgang Gehrcke, Christine Buchholz, Annette Groth, Ulla Jelpke, Niema Movassat, Jörn Wunderlich und der Fraktion die Linke: Verlegung von Ausrüstung, Fahrzeugen und Panzern für eine schwere US-Brigade nach Grafenwöhr und Mannheim. – Berlin, 2015. – 14.07. – 8 S. – (Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode; Drucksache 18/5604). – Mode of access: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/18/056/1805604.pdf> (Дата обращения – 30.07.2018).

Permanent Structured Cooperation (PESCO): Deepening defence cooperation among EU Member States / European Union External Action. – Brussels, 2018. – 22.06. – 4 p. – Mode of access: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/pesco_factsheet_22-06-2018_2.pdf (Дата обращения – 30.07.2018).

Permanent Structured Cooperation (PESCO) first collaborative PESCO projects: Overview / European Council. – Brussels, 2017. – 16.11. – 6 p. – Mode of access: <https://www.consilium.europa.eu/media/32082/pesco-overview-of-first-collaborative-of-projects-for-press.pdf> (Дата обращения – 30.07.2018).

PM press conference with US President Trump / UK Government. Prime Minister's office. – L., 2017. – 27.01. – Mode of access: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-press-conference-with-us-president-donald-trump-27-january-2017> (Дата обращения – 30.07.2018).

Rettman A. The EU and US in the age of Trump // EU Observer. – Brussels, 2017. – 28.12. – Mode of access: <https://euobserver.com/europe-in-review/139870> (Дата обращения – 30.07.2018).

Roberts R. US army tanks arrive in Poland as Russia starts military drills on country's border // Independent. – L., 2017. – 16.09. – Mode of access: <http://www.independent.co.uk/news/world/us-tanks-poland-russia-war-ga>

mes-military-drills-belarus-putin-trump-a7949906.html (Дата обращения - 30.07.2018).

Shatz J.J. Trumps EU jab ignores US role in Europe // Politico. - Wash., D.C., 2016. - 25.07. - Mode of access: <https://web.archive.org/web/20171023191705/https://www.politico.eu/article/trumps-eu-jab-ignores-us-role-in-europe-compete-foreign-policy-provocation> (Дата обращения - 30.07.2018).

The Trump presidency: Policy outlook, scenarios and possible implications for the EU / European Commission. - Brussels, 2017. - 14.02. - Mode of access: <https://ec.europa.eu/epsc/publications/other-publications/trump-presidency> (Дата обращения - 30.07.2018).

Wales summit declaration / NATO. - Newport, 2014. - 05.09. - Mode of access: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm (Дата обращения - 30.07.2018).

Warsaw summit communiqué / NATO. - Warszawa, 2016. - 09.07. - Mode of access: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm (Дата обращения - 30.07.2018).

Weissbuch 1985 zur Lage und Entwicklung der Bundeswehr / Bundesregierung. Bundesministerium der Verteidigung, Presse- und Informationsamt. - Bonn, 1985. - 418 S.